

у Максима Строганова «с пристрастием, а не вовсе в честь или займы, но убити хотеша и жита его разграбить, дом его и при нем живущих разорити в конце».²⁰

Сравнивая изображение казаков Ермака в фольклоре с прославлением в повести Есипова и синодике, мы видим, что последние, упоминая о простом происхождении Ермака, тщательно избегали всех других фактов из его биографии. В научной литературе длительный спор вызвало отсутствие в повести Есипова каких-либо упоминаний о Строгановых. Основываясь на том, что источником повести Есипова служило (прямо или косвенно) «написание» казаков, некоторые исследователи делали вывод об отсутствии «сведений о именитых людях» и в «написании». Отсюда возникало утверждение что Строгановы вообще не имели никакого отношения к походу Ермака.²¹ Между тем в повести Есипова нет не только сведений о Строгановых, в ней нет вообще никаких известий о том, как казаки очутились в Сибири. Эти сведения и не могли появиться в повести, поскольку в произведении, прославляющем казаков за выполнение божественной воли, недопустимо было помещать известия о «разбое» казаков на Волге, о том, что в Сибирь они пришли, спасаясь от преследования царских воевод. В фольклоре же о Ермаке социальная природа Ермака выступает очень ярко: Ермак близок эксплуатируемым массам именно противопоставлением его деятельности интересам царской администрации и промышленников Строгановых.

Различие официальной и фольклорной оценки похода Ермака в XVII в. не случайно. В это время расширялась территория Сибири, входящая в состав Русского государства, усиливалось освоение ее русским населением, вместе с этим росло и угнетение русского и туземного населения феодальным государством и, как результат его, обострялась классовая борьба. Все это требовало укрепления существующего строя не только административными мерами, но также и идеологическим воздействием.

В период интенсивного освоения Сибири русским населением со всеми явлениями, которыми характеризуется освоение новых территорий в рамках феодального государства, господствующим классам важно было представить народного героя Ермака, прямого брата тех крестьянских переселенцев, которые в XVII в. часто помимо воли правительства двигались в Сибирь, верным слугой царя и защитником православной веры.

²⁰ Таковы сведения так называемой Кунгурской летописи, записанные выдающимся чертежником, географом и этнографом конца XVII—начала XVIII в. Семеном Ремезовым, вероятно, во время его пребывания в Кунгуре и вошедшие затем в состав Ремезовской летописи о походе Ермака (Сибирские летописи, стр. 315).

²¹ С. А. Андрианов. К вопросу о покорении Сибири Ермаком. — ЖМНП, 1893, июль, стр. 522—550.